

4. Батурина А. С. Подвиг ленинградских учителей // Народное образование. 1984. № 12. С. 63.
5. Щукина Г. И. Урок длиною в четыре военных года: (Историко-публицистический очерк). СПб., 1991.
6. Батурина А. С. Подвиг ленинградских учителей. С. 63.
7. Там же. С. 64.
8. Там же.
9. Левина Н. Р. Лучшие минуты. Воспоминания и стихи разных лет. СПб., 2003. С. 83.
10. Там же. С. 99.
11. Там же. С. 26.
12. Батурина А. С. Подвиг ленинградских учителей. С. 64.
13. Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского Воспитательного дома до Российского государственного педагогического университета. СПб., 1997.
14. Там же. С. 131.
15. Электронное научное издание «Письма в Эмиссия. Оффлайн». Сайт профессора К. Д. Радной.
16. Макарычева О. Мойка, 48 [Электронный ресурс]: Режим доступа — seal-spb.narod.ru/lit/stix_14.html

*В. Д. Плахов,
профессор кафедры истории и теории социологии*

ВОЙНА. БЛОКАДА. ШКОЛА

По воле судьбы я рос не только в учительской семье, а, можно сказать с полным основанием — в учительской среде. После окончания в конце двадцатых годов теперь уже прошлого столетия Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена группа выпускников, в числе которых находилась моя будущая мама, была направлена на работу в школы города Кронштадта, в одной из которых, а именно в 425-й (школы Кронштадта входили в систему образования Ленинграда, и потому моя первая школа имела такой внушительный — «ленинградский» — номер, хотя в самом Кронштадте в то время было 10 начальных и средних школ), и началась моя школьная жизнь.

Прекрасно помню не только отдельные события той жизни, но и ее атмосферу в целом. Молодые учителя-герценовцы, уже обзаведшиеся семьями, продолжали дружить и ходить друг к другу в гости, а мы, их дети, мальчишки и девчонки, близкие по годам рождения, тоже быстро сдружились. У нас появились общие игры, а затем и общие интересы. Помню открытие Дома пионера и школьника, где функционировали многочисленные кружки. С открытием музыкальной школы — все это происходило в самые предвоенные годы — я начал посещать класс скрипки. Еще более ранние воспоминания переносят меня в школу, где мама моя занималась вечерами с рабочими по системе ликбеза (что тогда мне было непонятно и сильно удивляло: старые... а учатся!?). И наоборот, в школу, где по вечерам шли репетиции драмкружка, которым руководила мама, и десятиклассники готовились к постановке комедии Маяковского «Клоп». Мама была очень занята, и питались мы в столовых да буфетах. Оставлять меня дома одного мама долгое время не решалась, и случалось нередко сидеть мне где-нибудь в сторонке на педсоветах или учительских конференциях — почему меня знали в лицо многие кронштадтские учителя, впрочем, точно так же, как и я их.

Сейчас, вспоминая и оценивая то время, я все более и более убеждаюсь: то была эпоха утверждения совершенно новой и по содержанию, и по форме системы детского и юно-

шеского образования, причем в таких масштабах, на какие просто не могли претендовать ни царская отсталая Россия, ни многие развитые капиталистические страны. Только за пять предвоенных лет в Кронштадте были построены капитальные здания двух новых школ, открыт Дом учителя, при городской Центральной общественной библиотеке (ЦОБ) был открыт специальный отдел детской литературы со своим читальным залом. Летом заработали пионерские лагеря. За город, на природу стали выезжать детские сады. Все было подчинено, как я теперь понимаю, насущной государственной задаче нравственного и физического воспитания человека нового типа, который и перенес мужественно все порой невообразимые тяготы войны и вышел победителем в битве, подобных которой не знала вся человеческая история.

Положение военно-морской базы, сама флотская среда вносили в атмосферу города-крепости, как исторически сформировался Кронштадт, не только в военные, но и гражданские учреждения и в их числе, вполне естественно, школы (замечу, что многие учащиеся были детьми из семей военнослужащих) особый дух — ответственности, дисциплины, преувеличенный интерес к военной тематике, а затем и скрытое, подсознательное понимание неотвратимости войны, особенно усилившееся после финской военной кампании, в которой непосредственно участвовали подразделения Краснознаменного Балтийского флота и форты Кронштадта. «Германия», «Италия», «фашизм», «агрессия», «белофинны» — эти слова были буквально на слуху у всего населения. В Кронштадте участились учебные военные тревоги, в школах появились «военные классы», на стенах которых были развешены плакаты по самозащите, оказанию первой медицинской помощи и где хранились записанные за каждым детские противогазы и нас учили ими правильно пользоваться.

И все же война началась внезапно. 22 июня, можно смело утверждать, в стране не было человека, который в это утро не застыл бы перед радио: передавалась речь председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотова, сообщившего об агрессии со стороны фашистской Германии. В его обращении к советскому народу звучал призыв к борьбе, на которую потребуются все силы нашего общества, и слышалось стремление вселить в людей уверенность в неотвратимой полной победе. И тем не менее многие почувствовали растерянность. Были и такие, кто поддался паническому настроению. Знакомые, сослуживцы, родные и близкие друг с другом люди, не скрывая страха, задавались одним сакраментальным вопросом: что же будет? Людей охватило мучительное беспокойство: как теперь жить? Толпы бросились в продуктовые магазины, и за два первых дня войны прилавки полностью опустели. С запозданием вставшей в очередь маме моей достались только два кулька — больше в одни руки уже не продавали — с изюмом, который дома она высыпала «на черный день» в две пустые коробки из-под обуви.

Несмотря на то, что все учителя официально находились в летнем отпуске, те, кто еще остался в городе или уже возвратился, собрались в школах. И первое дело, которым они занялись, — оклейка крест-накрест окон нарезанными из газет лентами, чтобы предотвратить падение осколков стекол при разрывах бомб и снарядов. Следующее дело, к которому были подключены также все кронштадтские школьники, — очистка от хлама в целях пожарной безопасности чердаков, а также покраска белой противопожарной смесью чердачных перекрытий. Так я приступил вместе со своими сверстниками к оброне города, и было мне 11 лет.

В самом конце июня по плану, разработанному, по-видимому, за много лет до предполагаемой войны, началась эвакуация из Ленинграда всех школьников, не достигших 16 лет. Кронштадтских мальчиков и девочек погрузили на пароходы, перевезли через

Финский залив, разместили в вагонах железнодорожного состава и отправили в Ефимовский район, а там по реке на барже стали развозить по отдельным поселкам. Плыли мы по реке Тихвинке ночью, кто сидя, кто полулежа, тесно прижавшись друг к другу, на дне баржи. Над нами было ясное, совершенно прозрачное (то был период белых ночей) небо, в котором вились тучи комаров, безжалостно кусавших нас. Сопровождали нас, а потом и жили с нами как воспитатели-наставники наши учителя. А как мы жили, об этом следует рассказать особо.

Разместили нас в деревне Сомино, в местной школе, в классах которой были расставлены сколоченные из досок свежеспавшие деревом нары. На них были положены набитые сеном матрацы, покрытые простынями и одеялами. Кормили в школьной столовой, и кормили так, как в хорошем детском санатории, что меня не перестает удивлять и сейчас. Каждое утро мы ели сваренные вкрутую яйца, на чистой белой скорлупе которых синели небольшие круглые печати с загадочными иностранными буквами-знаками. Поговаривали, что эти яйца были предназначены на экспорт в Германию. Другой диковиной были бутерброды с копченой колбасой, и не просто копченой колбасой, а колбасой самого высшего качества. И опять же, что не перестает меня по прошествии уже многих десятилетий удивлять: тогда никто даже не задумывался, откуда все это?

Каждую неделю в наш лагерь приезжал проконтролировать, как мы живем, кто-нибудь из высокого начальства, но еще чаще приезжали родители и увозили своих детей домой. Лагерь редел. Нас стали объединять с ребятами из других лагерей, а в самом конце июля собрали всех вместе и снова посадили на баржу. Назад домой! Немцы развивали наступление на Ленинград в близком к нам направлении, и среди наших учителей-наставников нарастала тревога: только бы перескочить через Волхов!.. Волховская гидроэлектростанция, железнодорожный мост через саму реку — это было ясно каждому — входили в военностратегические планы гитлеровцев. В этот район забрасывались группы диверсантов, на розыск и уничтожение которых поднимали все местное население. И когда мы остановились перед Тихвином, всех пионеров включили в операцию по захвату уцелевшего и скрывавшегося в перелеске диверсанта. Рассыпавшись на мелкие (два-три человека) группы, мы стали прочесывать местность. Выследила притаившегося в кустах и спрятавшего там свой парашют фашиста пионерка Галя Наумова, ученица второго класса, дочь призванного на военную службу директора 424-й школы А. Д. Наумова. В нашей пионерской среде она стала первым героем.

Кронштадт встретил нас как настоящий прифронтовой город. На улицах военный патруль, за крепостными стенами замаскированные орудия, на Бычьем поле — так называлась северо-восточная окраина острова Котлин, на котором размещался Кронштадт, — раскинулся военный аэродром. Нас, мальчишек, срочно включили в посильные работы по строительству защитных укреплений. Мы рыли землянки-укрытия от артобстрелов и бомбежек, заколачивали досками окна госучреждений, магазинов, подготавливали помещения трех самых крупных в Кронштадте школ, и в их числе моей 425-й школы, под военные госпитали. Вместе с родителями несли дежурство во дворах жилых домов. С наступлением темных августовских ночей на город-крепость, где разместились значительные силы военного флота, участились воздушные налеты, и как это ни покажется удивительным, в темное небо Кронштадта, закрытого и особо охраняемого стратегического объекта, откуда с 1937 года выселялись все «подозрительные элементы», устремлялись сигнальные ракеты, запускаемые на «цели» шпионами-лазутчиками. Были и предатели, зажигавшие свет в комнатах и оставлявшие окна незапертыми. Гитлеровский абвер действовал, и надо признать отменно. С ним было покончено в Кронштадте толь-

ко в начале 1942 года, в голодную и морозную зиму, пережить которую наши коварные враги были не в силах. Как я сейчас полагаю, они по ночам уходили по льду к своим на противоположный берег замерзшего залива.

Весь август я провел в коллективе школы, где работала мама. Этот коллектив, как и другие учительские коллективы в Кронштадте, — мне запомнились образы суровых женщин с противогазными сумками через плечо, — был превращен в отряд самообороны. Ведь в любой момент бомба, сброшенная с фашистского самолета во время воздушного налета, а в некоторые дни число таких налетов доходило до двух и трех, могла быть нацелена на школу. И случись такое попадание, бороться с его губительными последствиями предстояло в первые минуты женщинам, нашим учителям, многие из которых были уже далеко не молодыми. Вообще, в кронштадтских, как и во всех ленинградских, школах остались из преподавателей-мужчин либо больные, либо уже состарившиеся. Хорошо помню, как в самом начале августа перед Домом пионера и школьника собрали кронштадтских ополченцев. То были люди зрелого возраста, и в их рядах я увидел несколько наших преподавателей. Строем они с тощими мешками за плечами двинулись по улице. И не было тут никакого торжества. Прохожие и в их числе мы, учащиеся, махали им руками на прощание. Все понимали, что далеко не каждый из них вернется в родной город. (Из учителей в Кронштадт возвратились с фронта только двое: учитель химии герценовец П. С. Шумский и учитель младших классов В. Н. Толмачев — без обеих ног до коленей.)

К сентябрю фашисты продвинулись настолько близко к Кронштадту, что наш город на острове отделяла от них только узкая полоска Финского залива в 8—9 километров. К бомбежкам прибавились периодические артобстрелы. И в такой обстановке начался новый учебный год. Разумеется, о сколько-нибудь серьезных школьных занятиях не могло быть и речи. Случалось, что во время урока начинался артобстрел, и мы, ученики и учителя, спешно покидали школу и прятались в неподалеку вырытой нами же землянке. О каких-либо плодотворных занятиях не могло быть и речи еще и потому, что нередко и школьники, и учителя проводили ночи в бомбоубежищах, скрываясь там от бомбежки, что, естественно, резко снижало общую работоспособность не только детей-школьников, но и забывших про отдых преподавателей, помимо профессиональной деятельности озбоченных еще и семейными проблемами.

Воспроизведу здесь такой живо хранящийся в памяти эпизод из моей блокадной жизни. В районном отделе народного образования, как и во всех государственных учреждениях, в те военные годы осуществлялось посменное круглосуточное дежурство. Заступив на него вечером, после рабочего дня, мама расположилась за столом, где стоял телефон, а я улегся с книгой на кожаном диване, разложенном тут же, в кабинете заведующего районо. Потом стал слушать радио и незаметно заснул, не раздеваясь. Тогда мы, по-моему, все спали, не раздеваясь. Во-первых, было уже довольно холодно, а во-вторых, в любое время ночи могли начаться артобстрел или воздушная тревога, и тогда надо было немедленно быть готовым ко всему. И так именно случилось в ту ночь. Первый же внезапно выпущенный фрицами снаряд, когда я уже спал, разорвался во дворе именно нашего дома, где на первом этаже размещался отдел народного образования. Рвануло так, что меня подбросило, оглушительно зазвенели разбившиеся за досками оконные стекла, взрывной волной выбило форточку, с потолка посыпалась штукатурка, в помещение через пробитое осколками окно и закинувшуюся куда-то вбок и вверх занавеску ворвался холодный с ядовитым запахом ветер. Оставленная на ночь горевшей настольная лампа погасла. Мама с трудом зажгла свечу и начала звонить в милицию, пожарную часть, дежурному райисполкома,

на квартиру заведующему району. Получила указание оставаться на месте и продолжать дежурство. Так мы и просидели, не сомкнув глаз, кутаясь в зимние пальто, до утра. О каких серьезных школьных занятиях можно говорить после подобной ночи? Кстати, чувствовавшие свою силу гитлеровские молодчики, как нам всем тогда представлялось, просто баловались, время от времени выпуская по городу один, два, три снаряда. То были фашистские «подарки». Впрочем, такая тактика имеет простое объяснение. При длительной стрельбе огневые точки засекались разведсредствами и легко уничтожались массированным огнем нашей тяжелой артиллерии.

А блокада давала о себе знать все круче и круче. В гражданские учреждения прекратилась подача электричества. А скоро перестал работать и водопровод, и за водой надо было ходить к уличной колонке. Усиливались морозы. Школьные занятия практически полностью прекратились, и я посещал вместе с одноклассниками только столовую, к которой был прикреплен по карточной системе. По причине закрытия школы маму мою перевели на работу в круглосуточный детский сад. Целыми днями я одиноко просиживал в холодной темной квартире, изредка общаясь только с соседскими девочками, которые были старше меня по возрасту, а в основном предаваясь чтению. Книги буквально спасали меня. Я зажигал «коптилку» — самодельные лампадки мы все называли «коптилками», — открывал книгу и оказывался в совершенно другом мире. Блокировав Ленинград и вместе с ним Кронштадт, фашисты, как известно, изменили планы наступательных операций и перебросили значительную часть боевой техники на другие фронты. Налеты почти прекратились, но мы все еще раньше перестали испытывать страх, не прятались уже в холодных и темных бомбоубежищах и жили по принципу, как научила нас война: «от судьбы не уйдешь» (часто те, кто прятался в бомбоубежищах и подвалах, оказывались погребенными под обломками разбитого бомбой или снарядом дома, а те, кто никоим образом не спасался, оставались живы); морозы же, которые становились все свирепее, охладили озорной пыл фашистских артиллеристов: коварные обстрелы стали более редкими и нами как-то совсем уже не принимались в расчет. На нас надвигался более грозный невидимый враг — голод.

В декабре нормы отпускаемых по карточкам продуктов опустились до потенциально смертельного минимума. Детям и иждивенцам выдавалось 125 граммов хлеба. Я чувствовал, как силы покидают меня. 31 декабря работавшая из последних сил мама положила меня вечером на санки и отвезла в изолятор детского сада.

Не знаю, кто и на каком уровне в руководящих органах Ленинграда принял мудрое решение о создании профилакториев и стационаров, спасших от голодной смерти тысячи людей. В созданный в Кронштадте стационар направлялись не только истощенные учителя, но и ученики. Было принято и другое мудрое решение: перевести детские сады на круглосуточный режим, а при них открыть старшие группы, комплектуемые из школьников младших классов. Именно в таком детском саду вместе с другими учителями работала моя мама. И я после десятидневного пребывания в изоляторе, где первые дни лежал пластом, был определен в старшую группу — в ней были такие же ребята, как и я.

Детский сад занимал полностью второй этаж обычного кирпичного дома. Все его комнаты были тесно заставлены кроватями. В одной из комнат поселились воспитатели, заведующая детсадом и моя мама, работавшая в должности завхоза. А рядом, в угловой комнате, совершенно пустой и очень холодной, находился «боевой пункт». Окна здесь были заложены кирпичами, и открытыми оставались только амбразуры. Это был самый настоящий ДОТ (долговременная огневая точка). Отсюда должно было вести огонь в слу-

чае, если враг предпримет наступление на город. А этого нельзя было исключать, ведь нас разделяли, как я уже отметил, всего несколько километров залива, зимой покрытого толщей льда, по которому могли двигаться тяжелые танки.

Вспоминая то темное холодное время, пытаюсь найти слово, определяющее наше детское физическое и психическое состояние. Слово это — астения. Малоподвижные, унылые, безразличные, подавленные, зябнувшие, мы рассаживались вокруг нашего воспитателя, в роли которого, повторю, выступали школьные учителя, и пока было светло — источником дневного света служила вверху окна не заколоченная досками форточка — слушали, как они читали нам книги, а когда начинало темнеть, рассказывали что-нибудь поинтереснее из области истории или географии. В детсаду был строгий режим дня, что нас тоже, несомненно, спасало. После обеда, состоящего все же как-никак из двух (!) «блюд», обычно жидкого супа, заполняющего половину тарелки, и двух-трех ложек каши, мы ложились на свои постели и обычно спали, закутавшись в одеяла, чтобы было потеплей. Вечером концентрировались возле топящихся печек и напевали негромко песни. Наши преподаватели включали в репертуар, вполне понятно, песни патриотические, мобилизующие, поднимающие дух.

Топящаяся печь была для нас подлинным островком спасения. Но что это такое в те зимние блокадные дни и ночи? Я помню, как мама, будучи завхозом, металась в поисках каких-либо досок, бревен, а потом людей, сохранивших пока еще физическую способность их распилить и расколоть. Наверх, в помещение, дрова по лестнице носили на руках сами воспитатели, наши не знающие устали учителя.

Другой, не менее острой и сложной проблемой была санитария. Сантехническая система в детском саду, как, впрочем, и во всем городе, в его жилых кварталах, не работала. Переполненные испражнениями горшки воспитатели (по официальному штату в нашем детском саду числились две уборщицы) относили во двор и там сливали на нараставшую с каждым днем ледяную гору нечистот.

Еще одной проблемой были крысы и мыши. На кухне мышей били просто гирями. А вот для крыс были принесены специальные клетки-крысоловки. Их ставили с приманкой по две-три в каждой комнате, а утром выносили попавшихся в ловушку и мятущихся в ней тварей во двор, обливали керосином и поджигали.

Все зимние месяцы мы жили, как теперь сказали бы, в запредельных антигигиенических условиях. Ходили и спали в одном и том же белье, не меняя его. Не мыли руки, вообще не умывались. Все поголовно, и наши преподаватели-воспитатели, и мы, дети, завшивели. Вши вызывали зуд всего тела, не давали спокойно спать. И никаких средств и возможностей бороться с ними не было. Единственное, что можно было сделать (и мы делали это, и взрослые, и дети): когда топилась печь, ставили в топку утюг и, раскалив его, водили им по разостланной на столе нижней одежде. На всю жизнь запомнились мне омерзительные картины с нательным бельем, усыпанным светло-серыми гнидами.

Правда, один раз весь контингент детского сада был отправлен в городскую баню, которую, видимо, специально подготовили, так как она с самого начала войны для гражданского населения была закрыта.

С наступлением весны все, кто остался жив, заметно приободрились (хотя на улицах, во дворах все еще можно было наткнуться на лежащий в снегу труп человека, умершего от голода). В магазинах начали продавать разработанный ленинградскими медиками хвойный настой. В нем содержалось множество необходимых нам витаминов, а это была жизнь! И мы пили его без меры.

В марте из Ленинграда началась массовая эвакуация мирного населения. Многие наши знакомые, друзья, мамы коллеги-учителя и мои школьные товарищи уезжали из Кронштадта, пока на заливе не стаял лед. Они погружались с минимумом пожитков в мешках и чемоданах в открытые кузова грузовых автомашин вблизи своих домов. Когда машины трогались, им все, кто оказывался на пути, махали руками и выкрикивали добрые пожелания. Как мне хотелось быть вместе ними, уезжавшими в новые, неизведанные края. Но мама, уже перенесшая одну эвакуацию (в несчастный Ефимовский район), категорически сказала: нет! Отныне она рассуждала: будь что будет. Все выжившие и неэвакуированные учителя и школьники постепенно возвращались в школы (из десяти школ, существовавших в мирное время, реально можно было сформировать теперь лишь одну). Детей школьного возраста в Кронштадте осталось, как я сейчас себе представляю, не более сотни. Только у одного моего школьного товарища, одноклассника, сына учительницы, преподавателя математики, умерли от голода два младших брата, он же остался в живых только потому, что был отправлен в профилакторий. Помню, какие трагические чувства охватили маму, узнавшую о смерти от голода всей учительской семьи, с которой она дружила: престарелого и больного и потому не призванного на фронт учителя литературы, его жены — преподавателя истории и их сына допризывного возраста. Не могу не заметить, что все кронштадтские, так же как все ленинградские, дети, оставшиеся сиротами, помещались в специально открытые для них детские дома. Этих детей партиями отправляли в эвакуацию. И в Кронштадте, и в Ленинграде таких детей не оставляли.

Первые работы, к которым приступили мы, школьники, по весне, заключались в наведении санитарного порядка в городе. Вместе со своими учителями во избежание эпидемии мы очищали дворы от накопившихся нечистот, а когда снег окончательно стаял, от слежавшегося грудями мусора. Потом началась подготовка помещения школы, в которой предстояло нам учиться. Там открыли столовую, в которой мы начинали и кончали свой трудовой день, то есть завтракали, обедали и ужинали. С сокращением городского населения нормы продуктов, отпускаемых в Ленинграде по карточкам, увеличились, и наше питание несколько улучшилось. Общее настроение заметно повышалось. Но тут началось новое испытание.

После того как залив полностью очистился ото льда, немецкая авиация начала систематически по ночам минировать с воздуха фарватер. Наши к тому времени еще технически слабые самолеты не могли им противостоять. В ночном небе стоял оглушительный гул от авиационных моторов и раздавался резкий свист от сбрасываемых в воду противолодочных и корабельных мин. Одна морская мина упала на жилой дом недалеко от нашей школы. Взрыв был такой силы, что его следовало бы приравнять к трем обычным бомбам. Все кирпичное двухэтажное здание полностью разворотило. Жившие в нем и не поехавшие в эвакуацию две семьи погибли.

Лето 1942 года все школьники, мальчики и девочки, проводили на огородах экстренно созданного совхоза (его назвали «Снабженец»), где выращивались овощи для хотя бы некоторого улучшения питания оставшегося городского населения. Утром, к девяти часам (обычному времени начала школьных занятий), мы собирались в школьной столовой, завтракали, а затем строем шли за город к грядкам, на которых росли морковь, капуста, свекла. В основном мы занимались прополкой. Работа была скучная, нудная и не всем, в особенности младшим школьникам, по силам. Помню, как наши учителя, далеко не молодые женщины, присев на корточки, пригнувшись к земле, помогали своим обессилившим младшим ученикам. Утром совхозные бригадиры устанавливали нормы на

каждый класс, и нормы надо было выполнять! В третьем-четвертом часу дня мы, опять же строим, возвращались в школу, обедали в своей столовой и расходились по домам, а к восьми часам вечера собирались на ужин. И так каждый день. От работы на огородах нас освобождал лишь дождь.

Поскольку совхозные грядки были вскопаны на поле вблизи аэродрома, мы имели возможность видеть, как к концу лета преобразилась наша авиация. В небо над нами взлетали уже не «чайки», не «ишаки», то есть «И-15» и «И-16», а «лавочкины», а позже и «яки». Немцы присмирели. И мы себя чувствовали более уверенно. В осажденном городе-крепости складывался свой особый стиль жизни, закономерно появлялись новые, продиктованные войной привычки. Люди все успешнее приспособлялись к трудностям, невзгодам, вызванным блокадой. Продолжала работать Центральная общественная библиотека (впрочем, она не закрывалась даже в самые тяжелые дни, когда свирепствовал лютой мороз и своей высшей точки достиг повальный голод). После короткого зимнего перерыва начал функционировать Матросский клуб. В Гостином дворе открылся книжный магазин, в котором продавались — во что, действительно, трудно поверить — книги, изданные Лениздатом в 1941 и уже в 1942 году (две таких «блокадных» книги хранятся у меня дома как святая память, а одну я подарил библиотеке нашего университета). Жизнь продолжалась! Ленинградцы не сгибались!

1 сентября начался новый учебный год. И первая трудность, с которой столкнулась школа, — отсутствие учебников и тетрадей. Выход был найден: старшие по классу передавали свои учебники младшим. И получилось так, что всю войну я, как и все ленинградские школьники, учился по учебникам, как сказали бы теперь, «б/у». Сложнее было с тетрадями. Пока в Ленинграде не налачился их выпуск, мы пользовались любой подходящей чистой бумагой.

Поздней осенью, когда утром я направлялся в школу, на моем пути впереди разорвался фашистский снаряд. Взрывом снесло верхнюю часть могучего клена. Много лет спустя, проходя мимо выжившего дряхлеющего, израненного дерева, дерева-инвалида, я думал, что могло быть со мной, если бы я двигался тогда быстрее или вышел из дома на несколько минут раньше. А тогда я начал собирать разлетевшиеся на моем пути раскаленные снарядные осколки и, отобрав несколько, принес их в школу. Потом один осколок долго хранился у нас в семье.

В ту же зиму начались преследовавшие нас всю войну и после проблемы с одеждой. Мы все обносились, повзростали, и все, что мы одевали, было малое. На всю жизнь запомнился мне образ молодой учительницы немецкого языка, которая ходила все блокадные зимы в самодельных суконных чунях и калошах. И так были одеты не только отдельные учителя, но и ученики. Забегая вперед, скажу, что с 1944 года к нам начала поступать помощь из Америки (по лендлизу). Посылки, которые приходили в школу, были заполнены «бэушной» — правда, такого слова тогда никто не знал — одеждой. Мне досталась прекрасная вельветовая кофта, костюм и две рубашки в клеточку — «ковбойки» (слово, которое тоже начало входить тогда в нашу жизнь). А пока мы перебивались тем, что перешивалось в открывшемся в городе ателье верхней одежды, где работали две старушки-портнихи.

Сорок третий год в истории советской школы оказался знаменательным: на высшем уровне руководства страны было принято решение о разделении всех школ на мужские и женские. И очередной учебный год начался в Кронштадте уже в двух школах: мужской (427-й) и женской (422-й). Это были микроскопически малые по современным меркам учебные заведения. Так, в нашей 427-й мужской школе — она вполне поместилась

в маленьком двухэтажном здании (до войны его занимала начальная школа) — было семь классов. В старшем, седьмом, учились всего пять человек. Самым многочисленным был мой класс, в нем занимались 14 пятиклассников. В школе были столовая, физкультурный зал и нечто вроде красного уголка с маленькой сценой.

Первый же месяц занятий (сентябрь 1943 года) ознаменовался очередным «подарком» фрицев: днем, когда шли занятия, напротив окон нашего класса (шел очередной урок) разорвался немецкий снаряд. Реакция у всех была одинаковой: дети нырнули под парты, а наша классная руководительница, учительница географии, Анастасия Георгиевна Полякова выскочила за дверь в коридор. Так сработал основной инстинкт жизни. Молниеносно! Посыпались стекла из не заколоченных досками форточек, в помещение ворвались ядовитые газы. Разрывом снаряда была убита школьный дворник, оказавшаяся в это время на улице.

Два дня мы не занимались, пока приводились в порядок поврежденные помещения. Потом занятия возобновились, и этот рядовой эпизод вскоре, как и все другие подобные эпизоды, сгладился в памяти. В школу возвратился после ранения и лечения преподаватель физкультуры Николай Николаевич Барашков. Энтузиаст по натуре, он был любимцем школьных мальчишек. Сразу начались спортивные занятия, а следом был организован кружок художественной самодеятельности. Над школой установили шефство моряки-музыканты из джаз-оркестра при Матросском (позднее Офицерском) клубе. С их помощью и при их участии в школе, в красном уголке, который был превращен в зрительный зал, стали проводиться школьные концерты. Дважды мы, школьники из кружка художественной самодеятельности, выступали в военном госпитале прямо в палатах перед ранеными. Сейчас, вспоминая обо всем этом, помимо гордого восхищения, испытываешь чувство удивления: ведь все это происходило под самым носом гитлеровцев! Враг был совсем близко, но нет, не победил он нас! Мы оставались неповерженными!

Осенью сорок третьего года в жилые дома дали долгожданный электрический свет. Открылся кинотеатр, наш «Максимка» (городской кинотеатр носил имя Максима Горького). И первый фильм, какой я увидел тогда, был «Два бойца», знаменитые мелодии из которого мы сразу подхватили и стали распевать. Город-крепость Кронштадт, как и защищаемый им Ленинград, жил, боролся и побеждал! 18 января 1943 года мы услышали по радио: блокада прорвана! Это была новая большая победа! Но война продолжалась. А для города, отрезанного от Большой земли, чуть ли не в первую очередь нужны были обыкновенные дрова. И после школьных занятий нас, школьников из старших — седьмого, шестого и пятого — классов, ребят физически покрепче, направляли на помощь взрослым, разбиравшим опустевшие старые деревянные дома, сохранившиеся с дореволюционного времени. Мы распиливали бревна на чурбаки, которые потом развозились разными способами по дворам городских учреждений, госпиталей, детского сада и наших двух школ, к которым еще прибавилось открытое (во время войны, в блокадном городе!) ремесленное училище, а также по дворам жилых домов.

На всю жизнь запомнил я печку в комнате, где мы укрывались зимой от холода. В то время наша квартира была единственной населенной, и населенной именно нами двоими, мамой и мною, на всем пятом этаже большого полупустого кирпичного дома. Каждый день я носил на спине из сарая, где были сложены заготовленные чурки, которые надо было еще предварительно расколоть, связки дров на наш последний этаж. Топил печку и грелся перед раскрытой топкой, читая учебники и книги. На еще полыхающие огнем угли ставил чайник, где кипятилась вода, потом кастрюлю, в которой разогревался ужин

к приходу мамы. Дрова были не только нашей домашней проблемой. Каждый день в школе назначались «в дежурство» пять человек, которые в сарае после занятий занимались распилкой заготовленных летом бревен и колкой дров, ими топились перед занятиями школьные печи. И так мы жили и учились до наступления тепла, а летом снова работали на огородных грядках за городом.

Очередной сорок четвертый год, третий год блокады Ленинграда, начался с радостного события. В январе Ленинград, а вместе с ним и Кронштадт были полностью освобождены от блокады. Это была великая победа не только ленинградцев, но и всей нашей страны, всего советского народа. К тому времени мы уже привыкли слышать победные сводки с фронтов Великой Отечественной войны, приказы Верховного главнокомандующего, зачитываемые диктором Всесоюзного радио Левитаном, победные артиллерийские салюты. Но на этот раз все звучало для нас особенно величественно и торжественно. Мы все чувствовали, что наступает новая жизнь. И как только стало по-настоящему тепло и весенние солнечные лучи понесли с собой ощутимый жар, я бросился топором сбивать с окон в нашей квартире ненавистные доски и фанерные листы. Да скроется тьма, да здравствует свет!

В освобожденный от блокады Кронштадт, как и в Ленинград, начали возвращаться семьи из районов эвакуации. Спустя годы встретились выжившие друзья и родные, сослуживцы и соседи (надо заметить, что многие кронштадтцы вместе с ленинградцами погибли еще при эвакуации на льду Ладожского озера, а потом в вагонах на железных дорогах). Население города заметно прибавлялось. Открылись дополнительно магазины, в числе которых был даже комиссионный. Заработал рынок. Но все это не избавляло от тотальной нехватки промтоваров. И если к продовольственным нормам люди как-то притерпелись, ситуация с одеждой и обувью была просто удручающей. Остро ощущался дефицит предметов домашнего пользования и хозяйственного обихода. Мы, учащиеся, по-прежнему пользовались бэушными учебниками, передававшимися из класса в класс, из рук в руки. Но вот снабжение школьными тетрадями уже налажилось.

Тем, кто возвратился из эвакуации, необходимо было вторично пережить адаптацию. И что касается детей, нельзя не обратить внимания на весьма примечательный психологический факт. Все мы, пережившие блокаду день в день, уже равнодушно относились к разного рода оружию. Мы просто привыкли к тому, что видели практически каждый день. В наших руках побывали и автоматы, и гранаты, и пистолеты, и ракетницы. В школе проводились даже специальные военные занятия. А вот мальчишки, вернувшиеся из эвакуации, оказались перед непреодолимым искушением. Их будто магнитом тянуло к оружию, к взрывчатке. Какими-то путями они доставали запалы, артиллерийский порох и даже гранаты. Случалось, во дворах раздавались выстрелы. За городом гремели взрывы. И конечно, не обошлось без трагических последствий. От полученных ран скончались двое мальчишек, а несколько ребят остались инвалидами. Таким было эхо войны.

Война еще продолжалась, а летом сорок четвертого года все кронштадтские школьники уже были отправлены в пионерский лагерь. Он разместился в поселке Большая Ижора за Ораниенбаумом (ныне город Ломоносов) в достаточно благоустроенных помещениях. Началась настоящая полноценная пионерская жизнь. Мы повязали на грудь выданные нам красные пионерские галстуки. Каждый день начинался с утренней зарядки, затем следовала пионерская линейка. После пионерского салюта командиры отрядов отдавали рапорты начальнику лагеря. А начальником был Николай Николаевич Барашков. Он

неустанно организовывал длительные походы, военные игры, спортивные соревнования. Были и культовые пионерские костры. На каждый такой костер приглашался кто-либо из прославленных военнослужащих. Мы слушали рассказы о военных операциях, боях, о героях-балтийцах.

Быт лагерный был организован, можно сказать, по-военному. Каждый день группа мальчиков и девочек направлялась на кухню («на камбуз») — чистить картошку и овощи, подносить к плите дрова, разносить к столам тарелки и кастрюли с приготовленной едой, а потом мыть посуду. К лагерю был прикреплен полутонный грузовичок (его обычно называли «газик» и еще «полуторка») с двумя круглыми возле кабины шофера газогенераторами (бензина не хватало, да и просто не было). Наколов чурок и заправив ими газогенераторы, двое-трое старших пионеров ездили на грузовике в Ораниенбаум за отпущенными для лагеря продуктами. Раз в неделю, и уж обязательно перед приездом родителей, все участвовали в общей уборке территории, в спальнях корпусах (их было два — для мальчиков и для девочек) уборка проводилась ежедневно специально назначенными дежурными.

Новый учебный год все кронштадтские школьники начали в функционировавших до войны и теперь вновь открытых школах. Острая когда-то нужда в военных госпиталях отпала, и они были свернуты. Занятые ими помещения были снова переоборудованы под учебные классы. Новостью школьной жизни Кронштадта стало открытие школы рабочей молодежи (ШРМ), заведующей учебной частью в которой была назначена моя мама. Так она включилась в прерванный войной и блокадой школьный учебно-педагогический процесс. Сейчас, вспоминая то время, не перестаю удивляться высочайшей ответственности, с которой относилась советская власть, социалистическое государство к народному просвещению, образованию и воспитанию подрастающих поколений. Еще шла война, а из воинских частей в Кронштадте стали направлять молодежь, совсем еще юных, но уже призванных на службу матросов на занятия в вечернюю школу. Их были, конечно, единицы, и служили они в интендантских и медицинских частях. И все же факт этот сам по себе чрезвычайно показательный. Можно сказать сейчас, поскольку все это свершалось на моих глазах: к окончанию войны в мае 1945 года школы Кронштадта подошли уже в готовности, вполне соответствующей мирному времени.

Все учителя Кронштадта, работавшие в воспитательных и образовательных учреждениях в военное время, были награждены медалями «За оборону Ленинграда», а позднее и другими правительственными наградами. О многих из них были написаны замечательные очерки в газетах и сделаны радиопередачи. Завершая же свой рассказ о кронштадтской школе как местной государственной системе народного образования, не могу не вспомнить о факте нашей узкосемейной жизни. Мама часто вспоминала и рассказывала мне о трудном времени своего студенчества, о своих преподавателях, которые впоследствии получили широкую и даже мировую известность. Все годы — и в мирное время, и время блокады — над рабочим столом мамы в рамке под стеклом висела памятная коллективная фотография преподавателей и выпускников педологического отделения педагогического института им. А. И. Герцена. Эту фотографию со следами военных повреждений я подарил нашему психолого-педагогическому факультету, когда отмечалось его десятилетие. И если теперь посмотреть на этот снимок, запечатлевший лица людей, которых давно уже нет в живых, то можно уверенно сказать: то было поколение достойных граждан своей страны и высококлассных специалистов в области народного образования. А сами себя они называли просто герценовцами.